



Марат Гизатулин

БУЛАТ ОКУДЖАВА:

«...ОТ БАБУШКИ ЕЛИЗАВЕТЫ

К ПРАБАБУШКЕ ЭЛИСАБЕТ»



Марат Гизатулин

**Булат Окуджава: «...
От бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет»**

«Издательские решения»

Гизатулин М.

Булат Окуджава: «...От бабушки Елизаветы к прабабушке
Элисабет» / М. Гизатулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510516-5

Марат Гизатулин много лет по крупицам собирал сведения о предках Булата Окуджавы, чудом сохранившиеся в разрозненных семейных и государственных архивах. Кропотливо анализируя сотни уникальных документов, автор изучает причудливое переплетение судеб предков поэта, предшествовавших возникновению одного из самых значительных явлений 1960-х годов. Арбат Окуджавы уходит корнями в тесные каменные дворики Тифлиса, где слышится печальная музыка старинных улиц, бережно восстановленная автором этой книги.

ISBN 978-5-00-510516-5

© Гизатулин М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Армянская песня1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Булат Окуджава: «...От бабушки Елизаветы к прабабушке Элисабет»

Марат Гизатулин

Редактор А. Е. Крылов

Редактор В. А. Щербакова

Редактор Н. В. Торбенкова

© Марат Гизатулин, 2020

ISBN 978-5-0051-0516-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Слово «тайна» применительно к Окуджаве первым произнес Евгений Евтушенко в своем весьма талантливом предисловии к первому советскому «гиганту» Окуджавы 1976 года – Окуджава дождался-таки большой советской пластинки к пятидесяти двум: «Меня невольно потянуло к этому человеку. В нем ощущалась тайна».

Эта тайна в нем ощущается и теперь, когда издано наконец полное собрание песен, когда вышло несколько биографических книг о нем, когда изданы почти все стихотворения, включая черновики, и собрано десять томов воспоминаний и документов «Голос надежды». И чем больше мы узнаем об Окуджаве, тем непостижимее для нас – словно по контрасту – те народные песни, которые писал этот человек, сам не до конца разбиравшийся в себе.

Кажется, собственный дар Окуджавы и для него был неразрешимой загадкой – во всяком случае, он не мог им управлять. Как и Блок, он трудно переживал периоды творческого молчания, но не мог их прервать по доброй воле. Он понимал, что одна песня удалась больше, другая – меньше (и почти безошибочно предчувствовал, какую будут петь, какую – просто ценить, а какую запомнят единицы). Но механизм превращения лирической темы в идеально законченную, герметичную, вызывающую множество толкований музыкально-поэтическую миниатюру был для него тѐмен. Он мог объяснить многое в своих романах, в стихотворениях – и не убегал от читательских вопросов, – но в песнях, в том жанре, в котором, по словам Н. А. Богомолова, бесспорно и очевидно проявлялась его гениальность, почти всё было для него самого подарком неизвестно откуда. Он ощущал себя не столько музыкантом, сколько инструментом.

«И вот мы теперь без него эту загадку разгадываем», как сказал Достоевский в пушкинской речи; одни заходят со стороны структуралистской, филологической, текстологической, изучая повторяющиеся лексемы и сквозные мотивы его песен и стихов; другие изучают его личность, его страхи и пристрастия, политические и литературные взгляды. Третьи, как Марат Гизатулин, пытаются по документам реконструировать его биографию, отыскивают предков и родственников, пишут семейную историю, поднимают приказы по школе и газете, где Окуджава работал до 35 лет – до того возраста, когда о нем впервые широко заговорили.

Расследования Гизатулина читаются, как детектив, и приоткрывают для нас не только судьбу Окуджавы, который творил авторский миф и правду о себе рассказывал немногим, – но и трагедию его поколения, на четверть выбитого войной и от души битого отечественными пришибеевыми. Всё это в самом деле очень интересно, потому что в судьбе Окуджавы сошлись трагедии грузинских меньшевиков, великих кавказских поэтов, кантонистов, советской элиты и среднерусского крестьянства, среди которого он прожил и проработал пять лет после университета; и чем больше мы знаем, тем меньше понимаем, как все это у него переплавилось в две сотни бесспорных шедевров, ставших народными.

Впрочем, и о собственном народе, и о его фольклоре, и о механизмах его создания и сохранения мы знаем очень мало – нет большей тайны в народной жизни, чем тайна появления фольклора. Окуджава жил среди нас, мы его знали и с ним говорили, и тем не менее он создавал этот фольклор – тайную летопись жизни народа. Мы можем все узнать о тех обстоятельствах, в которых создана та или иная песня, мы можем даже знать примерно, что он сам имел в виду, – но получалось-то у него нечто иное, бесконечно большее, универсальное, каждому говорящее о своем.

Тем не менее книга Марата Гизатулина – хоть и не приближающая нас к тайне гения, но с замечательной точностью и полнотой описывающая его корни и окружение, – читается с тем же любопытством, с каким мы до сих пор слушаем Окуджаву. Любое прикосновение к его личности, говоря его слогом, нас возвышает. И хотя многое в этой книге вызывает моё несогласие – а Гизатулин часто говорит о своих несогласиях со мной, – это вещь естественная:

Окуджава у каждого свой, каждым интерпретируется лично, и все равно нас сближает и заново объединяет любовь к нему и интерес к его открытиям. Он дал нам такую общую на всех печаль, любовь и уж тем более загадку, что разбить этот круг оказалось не под силу всем мерзостям того и этого времени, и поднявший меч на наш союз прекрасно понимает бесполезность своих попыток.

Но в качестве постскрипума не могу не проговориться: Марат, ты и сам в этом очерке прямо пишешь, что усомнился в душевном здоровье младшего брата Окуджавы. «Душевная болезнь» – это ведь не отсутствие интеллекта, это зачастую как раз спутник одаренности; но то, что написано в этом очерке, кажется, подтверждает самые печальные догадки. Впрочем, гениальность – тоже патология, и слава Богу, что у Булата Окуджавы был свой способ преодолевать отчаяние – способ, который спасает нас и сегодня.

А в общем, читателю этой книги можно только позавидовать. Его ждут открытия. И слава Богу, что эти открытия позволяют нам, говоря по-ахматовски, узнавать секреты, не раскрывая тайны.

Дмитрий Быков

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.

Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.

Они в кринолины одеты.
И льётся божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

Булат Окуджава

Армянская песня¹



Ашхен Степановна Налбандян с сыном Булатом

Вообще-то, прабабушку, упомянутую в эпиграфе к книге, звали не Элисабет, а Егисапет. Её отец, Григор, был священником в селе Ганза Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии. У него было семь детей², но здесь мы упомянем только двоих.

Сын Григора Сукиас, тоже священник, и как потомственный священнослужитель получил фамилию не просто по имени отца, а с почётной приставкой – Тер-Григорян. Сукиас также имел много детей и одиннадцатым ребёнком его стал выдающийся армянский поэт Ваан Терян (псевдоним Терян получился путём сокращения настоящей фамилии). А дочь Григора Егисапет вышла замуж за Мкртича Налбандяна, осела в Тифлисе и стала прабабушкой выдающегося русского поэта.

Академик Арам Григорян, внук одного из братьев Ваана Теряна, вспоминает своё знакомство с троюродным братом:

С самим Булатом я познакомился так. Я сидел в ресторане Центрального дома литераторов в компании ведущих русских литературоведов, совершивших в 60-е годы переворот в мировом литературоведении, – Сергеем Бочаровым и Вадимом Кожиновым. За соседним столиком я увидел Окуджаву, встал, подошёл к нему и похлопал по плечу: «Делайте всё что угодно, только не делайте вид, что мы не братья». Он был взволнован. Говорит: «Простите, вы можете кого-нибудь назвать, чтобы я опознал вас?» Я назвал Лялю Мелик-Оганджян, дочь Гоар, родной сестры Ашхен. «Это моя любимейшая сестра», – сказал он.

Я пригласил Булата за наш стол. Мы прекрасно провели время. За столом я вспомнил «Грузинскую песню» Окуджавы («Виноградную косточку в теплую

¹ Впервые: Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Вып. 8. М.: Булат, 2011.

² Подробнее см.: Микаелян Л. Капли датского короля // Голос Армении. Ереван, 2009. 26 дек.

землю зарюю...») и не без некоторой нагловатости спросил, почему она называется «Грузинская...»? Булат ответил, что эта песня могла бы называться и «Армянская...»³.

Но это всё потом, а сначала Егисапет с Мкртичем родили шесть детей. Среди них были два сына – Аршак и Степан. Вот о Степане и его отпрысках и будет наш рассказ.

1

Мария в свои шестнадцать была ослепительной красавицей. Во всём Авлабаре⁴ не было её краше. Так хороша была Мария, что, говорят, к ней сватался даже самый богатый человек в Грузии – нефтяной король Александр Иванович Манташев⁵. Вартан Вартанян, отец Марии, был небогат, и такой головокружительный брак дочери мог бы ощутимо поправить его мелкие купеческие дела. К тому же Манташев был известен не только как миллионер, но и вообще как очень хороший человек. Правда, он был старше невесты чуть не на сорок лет, и это, конечно, никак не могло понравиться молодой девушке. Поэтому, несмотря на кроткий характер, Мария наотрез отказалась выходить замуж за Манташева. И мать её поддержала, сказав: «Не хочу, чтобы моя дочь всю жизнь собирала слёзы в золотое блюдо».



Будущая бабушка Булата Мария Вартанян

Предание об этом несостоявшемся замужестве жило в семье много лет.

А потом Мария встретила человека, которого полюбила. Её избранник Степан Налбандян был хоть и небогатый, зато молодой здоровый красавец с крутым нравом.

Так Мария стала женой Степана.

Их внук напишет об этом почти через сто лет:

*Марию выдали за него с трудом, ибо она была дочерью купчишки, хоть и не слишком богатого, но всё же*⁶.

И ещё:

Мария была молчалива, улыбчива и покорна, Степан – грозен, величествен и вспыльчив, но вдруг мягок, и вкрадчив, и отходчив.

Степан и Мария за свою жизнь нарожали шестерых детей⁷. Марии было двадцать, когда в самом конце 1895 года, 31 декабря, у них родилась первая дочь, Сильвия. Через пару лет

³ Цит. по: Там же.

⁴ Авлабар – старинный армянский район в центре Тбилиси.

⁵ Настоящее имя – Александр Ованесович Манташьянц (1842—1911).

⁶ Здесь и далее курсивом без специальных сносок даются цитаты из романа «Упразднённый театр».

⁷ Иногда у современных исследователей происходит путаница с последовательностью их рождения, – см., например: Быков

родилась вторая, Гоар. За ней, 17 августа 1903-го, появилась Ашхен. Потом Анаид. Наконец, в 1905 году появился единственный сын Рафик, и последней, в 1911-м, родилась снова девочка, которую называли Сирануш, а дома всю жизнь звали Сиро.



Степан и Мария Налбандян с сыном Рафиком и внучкой Луизой

Отец один работал, кормил свою большую семью. Всю жизнь он трудился слесарем на тбилисском водопроводе, а по вечерам, после работы, становился отличным мастером-краснодеревщиком. Руки у Степана были – что надо, и особенно приспособлены они были к дереву. Он мастерил на продажу и деревянную мебель, и какие-то причудливые шкатулки, чемоданы. Его изделия были настолько изящными и добротными, что до сих пор хранятся и служат в семьях его внуков и правнуков.

А ещё на лето они покупали корову за три рубля – для молока, а потом по осени продавали её за те же деньги.

2

Старшая дочь Сильвия – близкие называли её Сильвой – окончила известную тбилисскую школу Малхасяна. Училась она блестяще, и потому в последних классах, платных, её учили за казённый счёт. Она явно переняла крутой нрав отца, – может быть, даже и с лихвой.

Старшая дочь, Сильвия, Сильва, была стройна и красива в мать, но вспыльчива и авторитарна в отца. Как странно сочетались в ней большие невинные карие глаза, мягкий покрыв плеч – и гнев, неукротимость; или тихая, проникновенная, доходящая до простого дыхания речь – и внезапно визгливые интонации торговли, но тут же извиняющееся бормотание и пунцовые щёки, и всякие суетливые старания замазать, стереть, замолить свой грех. Но было в старшей дочери и кое-что своё: был здравый смысл, было житейское мастерство и абсолютное невосприятие романтического.

Политика её не интересовала, главным её делом всю жизнь была забота о близких, иногда навязчивая, деспотичная. Но нельзя не оценить её участия в судьбах многих её родных. Особенно много сделала Сильва для своих племянников – Булата и Виктора, сыновей Ашхен. Но это потом, много позже.

Даже в юные годы её силе, здравомыслию и умению находить выход из трудных ситуаций мог бы позавидовать любой мужчина. Высшего образования у неё не было, но аттестат школы Малхасяна давал право преподавания в армянских учебных заведениях, и после окончания школы в 1914 году Сильвия не побоялась уехать по распределению в Тебриз (Иран), где целый

Д. Булат Окуджава. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 53. (Жизнь замечат. людей). В дальнейшем мы не раз будем обращаться к этой книге как к первой полной биографии Булата Окуджава, чтобы обратить внимание на некоторые неточности, неизбежные в таком объёмном труде.

год преподавала в армянской женской школе. А ведь было ей тогда всего восемнадцать лет. Потом, вернувшись в Тифлис, она работала в большой школе на Авлабаре.

Она выросла стремительно и целеустремлённо. Представления о собственном предназначении были конкретны и точны. Детских игр для неё не существовало, сентиментальное отрочество обошло её стороной, в двадцать четыре года, в пору разрухи и гражданской войны, она внезапно стала главной хранительницей очага, и оторопевшие, потерянные родители смирились перед её неукротимостью.

После революции родители сникли, особенно отец, буйный нрав его сильно поутих, и Сильва действительно очень быстро стала главной в семье.



Гоар

Вторая сестра, Гоар, тоже была красавицей, но более женственной, чем Сильва, а присущие ей, как и многим представительницам прекрасного пола, некоторая взбалмошность и легкомыслие отличали её и от остальных сестёр. Она вышла замуж за уважаемого доктора из Армении, уже немолодого Баграта Мелик-Оганджяна. Единственная из всех сестёр, она в замужестве поменяла фамилию. Муж её происходил из очень знатной семьи, имел нескольких братьев, тоже весьма образованных. Об одном из братьев Баграта, Арташесе, подробнее будет рассказано в следующем очерке. Другой, Карапет, крупный филолог и арменист, тоже не избежал сталинских репрессий, но, в отличие от Арташеса, выжил и впоследствии стал академиком, был директором хранилища древних рукописей «Матенадаран».

Сразу после замужества Гоар уехала к мужу в Эривань и прожила там всю жизнь. У неё было трое детей: Парсадан (Борис; 1921—2009), Ануш (Ачик; 1923—2006) и Вилена (Ляля; 1926—2010), – о них будет рассказано позже.



Гоар с племянником Виктором Окуджава

Удивительным образом переплелись семьи Окуджава и Налбандян. Сначала Ашхен Налбандян вышла замуж за Шалву Окуджава, а через много лет её племянник, Парсадан Мелик-Оганджян, которого в Москве звали Борисом, а домашние ласково Буликом, женился на Тамиле Окуджава. Отцы Тамилы и Булата Окуджава⁸ были двоюродными братьями.

Сильвия, как и Гоар, тоже довольно рано вышла замуж и тоже за преуспевающего врача. К этому моменту ей ещё не исполнилось двадцати. Правда, для Гоар это было единственное замужество, а у Сильвии – только эпизод в её большой жизни. Мужа Сильвии звали Леон Арешев, он был старше жены почти на десять лет. Леон происходил из довольно известного рода армянских дворян, живших на юге Грузии. Деревня Вархуни располагалась на высоком горном склоне над известным грузинским курортом Тетрицкаро (Белый ключ). Сейчас Тетрицкаро поглотил деревню, но осталось кладбище, на котором сохранились могилы нескольких поколений Арешевых. На кладбище стоит маленькая церковь, над входом в которую в камне выбита надпись, указывающая на то, что в 1601 году эту церковь построил предок Леона Григор Арешян. Дворянство Арешевых подтверждает и запись в приложении к Георгиевскому трактату (1783), где они числятся в списке дворян, приписанных к князю Багратиону. Род Арешевых происходит, видимо, из Персии, *ареш* по-персидски – медведь.

Сильвия и Леон поженились в 1916-м, в разгар Первой мировой войны. Леон служил в русской армии врачом, и сразу после свадьбы они поехали в Киев, к месту его службы. Военный врач в царской армии был заметной фигурой. Необычайно красивая и умеющая расположить к себе Сильвия быстро вошла в местное высшее общество. У них дома регулярно собирались офицеры, бывал и городской голова. Часто играли в преферанс. Сильвия быстро научилась игре и нередко садилась за стол с мужчинами. Однажды она в шутку предложила городскому голове, что если он проиграет, то найдёт возможность оставить Леона в Киеве, а не посылать на передовую. Голова проиграл. Леон остался в Киеве.

После революции, когда Российская империя распалась и Армения отделилась от России, Арешев стал служить врачом уже в армянской армии. 16 июня 1920 года Сильвия родила дочь Луизу. Гарнизон Леона стоял возле старинного города Карс, а жена и дочь жили в самом городе. В 1920 году город захватили турки, и Леон с семьёй оказались отрезанными друг от друга. А потом по Карскому договору, в самом конце того же 1920 года, Карс, древняя столица армян, равно как и главная армянская святыня Арарат, перешёл к туркам.

Так Сильвия с дочерью очутились в Турции. В конце концов, благодаря знанию нескольких слов на английском, она сумела через американского представителя Красного Креста переправиться на другой берег реки Арпачай в Армению. Но семья больше не воссоединилась: Сильвия с Луизой вернулись в Тифлис, а Леон Арешев всю жизнь проработал хирургом в армянском городе Кировакан (сейчас Ванадзор). Он умер в 1965 году, и его именем назван главный больничный комплекс города.

⁸ В книге сохранено авторское – несклоняемое – написание фамилии *Окуджава*.



Сильва с дочерью Луизой и племянником Булатом Окуджава

Дочь Сильвы Луиза была очень больным ребёнком. Дмитрий Быков в своей книге предполагает, что у неё был врождённый спондилёз. На самом деле никакого врождённого спондилёза у неё, конечно, не было: спондилёз не только врождённым не бывает, но и поражает преимущественно пожилых людей. Болезнь Луизы была куда серьезнее: с раннего детства она страдала туберкулёзным спондилитом. Его ещё называют костным туберкулёзом. Болезнь сопровождалась мучительными болями, и Люлюшка, как звали девочку дома, страшно страдала. Но ещё более страдала её мама, видя мучения дочери. Врачи ей вообще никаких шансов не давали, но упорная Сильва всегда добивалась своего. Чего она только не делала, чтобы вылечить своё чадо. Это был тяжёлый каждодневный труд, и вопреки всем прогнозам ей практически удалось одолеть недуг дочери и вырастить её полноценным человеком.

3

Третья сестра, Ашхен, была ещё красивей прекрасной Сильвы. У неё, правда, были не голубые, а карие глаза, но – тоже огромные. Однако старшая сестра обладала каким-то шармом, или аурой, что ли, – чем-то таким, что просто сводило мужчин с ума. Ашхен же была обычной девушкой, в чём-то средней между старшими сёстрами. Была сильной, как Сильва, – но это не так бросалось в глаза, сила её была внутренней, она не стремилась так всех подавлять и поучать. В то же время она была женственной, как Гоар, – но не гипертрофированно, без истерик и капризов.



Будущая мама Булата Ашхен

И ещё Ашхен были присущи восторженность и романтизм, чего начисто была лишена Сильва. Отсюда – жажда переустройства мира, приведшая её в конце концов в стан большевиков.

В своей автобиографии в 1957 году она писала:

Родилась в 1903 году в гор. Тбилиси в семье рабочего-слесаря машиниста. Училась и окончила армянскую среднюю школу «Гаянян» в 1921 году⁹.

Частная женская школа Гаяняна была одной из лучших армянских школ в Тифлисе, располагалась в Сололаки, армянском районе города, и имела замечательных преподавателей. В частности, армянский язык там преподавал крупный филолог, в будущем академик Степан Саркисович Малхасянц.

В первое десятилетие XX века материалистическое мировоззрение распространилось в различных кругах и даже стало проникать в духовные учреждения. А что уж говорить об учебных заведениях, тем более таких прогрессивных, как школа Гаяняна. Новые знания оказывали большое влияние на учащуюся молодёжь, и результаты не заставили себя долго ждать, тем более, что Ашхен рано оставила детские шалости и увлеклась чтением. В 1919 году, в возрасте шестнадцати лет, Ашхен примкнула к большевистскому движению, вступив в ученическую организацию «Корпорация», которой руководил Гурген Восканян. Уже в начале 1920 года, всё ещё будучи школьницей, она вступает в подпольный комсомол, а чуть позже в такую же незаконную большевистскую партию.

И ничто не могло свернуть Ашхен с её пути – ни суровый отец, ни благоразумная старшая сестра, ни их веские доводы и аргументы.

...Степан спросил у своей плачущей дочери Ашхен, мягко и участливо:

– Вот я рабочий человек, да? Я трудящийся, да? Я свою работу выполняю?

Скажи, скажи...

Она кивнула, утирая слёзы.

– Целый день работаю, – продолжал Степан, – вечером делаю икаф с аистами. Тебе нравится?.. Тебя кормлю, одеваю... корову дою... Да? Что хочу – делаю, да?

– Да, – сказала Ашхен.

Он помолчал, оглядел притихший стол и ещё тише спросил:

– Какая мне нужна свобода? Скажи мне, цават танем¹⁰, какая?

Этот очень серьёзный, может быть, даже трагический диалог из «Упразднённого театра» Дмитрию Быкову показался ироническим.

Чем же занимались эти молодые бунтари? Да, собственно, антигосударственной деятельностью. Вот как рассказывала об этом сама Ашхен в той же автобиографии:

Вела работу среди учащейся молодёжи, а также среди рабочих типографии. Работу вела агитационно-пропагандистскую, а также участвовала в распространении прокламаций и т. п. Принимала участие в подготовке и проведении Первомайской демонстрации в 1920 году.

Сын Ашхен писал об этой её деятельности в своём автобиографическом романе:

– За нами гналась полиция <...> мы убежали. <...>

– Ты что, с ума сошла? – спросила Сильвия. – Ты хочешь, чтобы нас всех арестовали? Чего ты хочешь?.. <...>

– Свободы людям, – упрямо сказала Ашхен.

– Каким людям?! Каким? Каким? Где они?! – крикнула старшая сестра.

⁹ Автобиография А. С. Налбандян цит. по копии из собрания автора.

¹⁰ Моя радость (арм.)

– *Всем трудящимся, – упрямо сказала Ашхен. <...>*

– *Ну хорошо, – сказала Сильвия, – ты у них спросила, хотят ли они этого?*

Как тут не вспомнить бессмертное «Горе от ума»: «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы да сжечь». Прагматичная, приземлённая Сильвия оказывается во сто крат мудрее своей начитанной сестрёнки. И демократичнее, как ни странно, – «ты у них спросила, хотят ли они этого?»



Юная революционерка Ашхен Налбандян

Но разве можно переубедить фанатика?..

Советизация Грузии, или (в переводе на человеческий язык) оккупация Советской Россией вмиг превратила Ашхен и её товарищей из гонимых преступников в уважаемых людей. Уже в феврале 1921 года Ашхен становится сотрудником отдела культпропаганды в горрайкоме комсомола Тифлиса (тогда уже появились все эти дурацкие словечки: культпропаганда, горрайком, комсомол).

Вот тут-то, на комсомольской работе, она и знакомится со своим будущим мужем Шалвой Окуджава. Тот, революционер уже со стажем, ещё гимназистом в родном Кутаисе был заметной фигурой.

Очевидец и участник тех событий Владимир Мдивани вспоминал:

В качестве комсомольского вожака он (Шалва) всегда выступал на общегородских митингах учащихся, на которые и мы, малыши, попадали. И, естественно, митинговую деятельность Шалико, его зажигательные, правдивые, самые левые выступления я ставил превыше всего, вот кто казался мне олицетворением настоящего революционера¹¹.

¹¹ Мдивани В. Оба были молоды. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1976. С. 24.



Шалва и Ашхен. Фотография обрезана не мной, так делали в каждой семье, отрезая тех, кто стал врагом народа. Когда на фотокарточке никого не оставалось из не врагов народа, её сжигали. Но эта сохранилась

А к моменту знакомства с Ашхен он уже в ЦК комсомола Грузии заведует оргинструкторским отделом. И оба они делают головокружительную карьеру. Шалва летом 1921 года был делегирован на III конгресс Коминтерна в Москве, слушал Ленина.

4

Летом 1922 года Шалва Окуджава и Ашхен Налбандян поженились. «...Но не придали „советскому обряду“ никакого значения», – пишет Дмитрий Быков. Непонятно, что имеется в виду. Следует ли это понимать так, что брак был фиктивным? Как же тогда объяснить появление в этом браке детей, да ещё и с десятилетней разницей?

Почти сразу после свадьбы Ашхен поступает на трёхмесячные лекторские курсы при ЦК КП (б) Грузии, а осенью того же 1922 года она вместе с мужем в группе молодых коммунистов Грузии едет в Москву на учёбу на экономический факультет 1-го МГУ.

В Москве молодые супруги Окуджава получили две комнаты в квартире №12 дома №43 по Арбату – квартире, принадлежавшей до революции фабриканту-кожевнику Каминскому. Каминский теперь работал на бывшей своей фабрике экономистом и занимал с семьёй одну комнату в бывшей своей квартире на правах обычного жильца.

Через два года, 9 мая 1924 года, у Шалико и Ашхен родился сын Булат. Практически сразу после этого Шалико отзывают в Тифлис на ответственную работу. Так ему доучиться и не довелось. Следом за мужем, сдав экзамены за курс и оформив академический отпуск, в Тифлис возвращается и Ашхен с сыном.

Этот год в Тифлисе она и за ребёнком ухаживает, и работает ответственным секретарём партиячейки мебельной фабрики.



Булат на руках у мамы. Её пришлось отрезать, а Булат ещё не успел стать врагом народа

Ещё через год Ашхен возвращается в Москву с сыном и со своей мамой Марией Вартановной, чтобы было кому за ребёнком присматривать. В Москве Ашхен почти всё время на учёбе или на работе, ведь она одновременно работала инструктором по информации в Рогожско-Симоновском райкоме партии. Конечно, у неё совсем мало времени оставалось для сына, но Ашхен старалась как-то такое время выкраивать. Когда Булату было пять лет, она начала его приобщать к классической музыке. Почти каждый вечер после работы она водила сына в Большой театр. Сама Ашхен не была музыкально образованной, но ей хотелось, чтобы сын был разносторонним человеком.

В 1928 году Ашхен окончила Институт народного хозяйства им. Плеханова (куда перешла из МГУ в связи с реорганизацией экономического отделения), получила специальность экономиста текстильной промышленности и была направлена на работу в качестве экономиста в 1-й хлопчатобумажный трест Наркомата текстильной промышленности.

Дмитрий Быков пишет об этом периоде: «Всё это время – если не считать его (Шалвы. – М. Г.) кратковременных наездов в Москву и столь же кратких визитов Ашхен в Тифлис, – родители жили врозь». Ну, визиты Ашхен всё же были не такими уж и краткими, – на всё лето.

И, видимо, чтобы подчеркнуть неполноценность семьи, писатель утверждает, что Булат «четырёх лет от роду съездил в Евпаторию с семьёй тетки, но совсем этого не запомнил». Да и не мог запомнить! Потому что он в это время был... с родителями в Анапе. С Сильвой и Луизой он действительно отдыхал в Евпатории, но позже – в 1932-м.

Ашхен потом, через много лет, рассказывала двоюродному брату мужа Василию Киквадзе об этой поездке:

Когда Булату пошёл четвёртый год, состояние здоровья его вызвало опасения. В лечебной комиссии Франгулян направил родителей к врачу по детским болезням. Пожилой врач посоветовал вывезти ребенка на лето в Анапу, которая считалась детской здравницей. Берег был мелкий. Пляж был усеян людьми. Шалико заплывал далеко. Мы часто целые дни проводили в местечке Джемете в нескольких километрах от центра. Добирались автобусом или на катере, курсировавшем между Джемете и Новороссийском. Народу было меньше, и было просторно. Возвращаясь с пляжа, мы отдыхали в парке с множеством цветочных клумб. Недалеко от парка была столовая, где вкусно готовили... Булат с аппетитом ел мясные блинчики, запивая их молоком и сливками. Ребёнок поправлялся. Это нас радовало, и мы возвращались в Тифлис счастливыми¹².

¹² Здесь и далее без специальных сносок цитируются воспоминания В. М. Киквадзе (рукопись из собрания автора).



Ашхен с сыном Булатом на курорте в Манглиси. Лето 1925 года

Кстати, надо заметить, что внук председателя лечебной комиссии Франгуляна через много лет станет автором памятника тому самому пациенту, которого тогда рекомендовали вывезти на лето в Анапу. Василий Киквадзе вспоминал своё знакомство с маленьким племянником:

1929, Тифлис. Август, стояла невыносимая жара, духота. Мы с двоюродным братом Василием Окуджава, выйдя на улицу, остановились на углу Паскевича и Лермонтовской.

Вдруг, откуда ни возьмись, ребёнок 4—5 лет, сидя на лошадке, вцепившись в гриву, подъехал к нам с сияющим лицом, приветливым нежным голосом поздоровался. Глаза крупные, каштанового цвета, головка покрыта густыми вьющимися волосами смолистого цвета. По бокам свисали вьющиеся локоны.

На вопрос, где папа, ребёнок ответил:

– Папа скоро приедет, мама дома.

На углу Лермонтовской стоял двухэтажный дом с большим балконом на улицу. Поднявшись по старой деревянной лестнице, мы вошли в большую комнату, в которой проживала тётя Сильвия с дочерью Люлюшкой.

Новая жизнь, только-только нарождающаяся новая жизнь их страны и всего человечества – всё так нравилось молодым Ашхен и Шалве! И этот восторг запомнился Василию Киквадзе:

Ашхен, недавно приехавшая из Москвы, где она училась в Институте народного хозяйства им. Плеханова, рассказывала, как они с мужем слушали доклад Бухарина на философские темы:

– Мы были счастливы!

Возвращались в Тифлис счастливыми.

А Сильвия в это время накрывала на стол и, приглашая гостей, не слышала или не хотела слышать сестриных восторгов:

– У меня сегодня долма.



«Дедусе и бабусе от Булата. Москва 5/III 29 г.»

5

Про следующую сестру в «Упразднённом театре» сказано коротко: «Анаида умерла в отрочестве от брюшного тифа». Непонятно, почему возникло такое объяснение, но, возможно, Булат Шалвович действительно не знал истинной причины смерти этой своей несостоявшейся тёти. А причина была куда страшней, чем брюшной тиф. На самом деле Анаид¹³ застрелил её собственный отец, когда ей было лет двенадцать. Это была страшная трагедия. В Грузии тогда у власти было меньшевистское правительство, время было неспокойное, действовал комендантский час, по улицам для предотвращения грабежей и мародёрства ходили патрули. И неизвестно было, чего ждать завтра. Поэтому, понятно, Степану хотелось, чтобы на всякий случай под рукой было оружие. В тот день Степан сидел во дворе своего дома и чистил ружьё. Анаид играла рядом с отцом. Вдруг раздался выстрел... Ружьё оказалось заряженным. Девочка умерла на руках отца.

На выстрел быстро прибежал случившийся неподалёку патруль. Степана забрали и куда-то увели. В условиях военного времени история легко могла закончиться ещё одной смертью в семье Налбандян. Но у них были очень хорошие соседи, тётя Сато с мужем. Увидев происходящее, они успели, пока Степана вели в комендатуру, где-то раздобыть денег и выкупить его. Спрятали его у себя, а потом отправили куда-то подальше – на время, пока всё уляжется.



Сато и Мадат Петросян

Тётя Сато, Сатеник Налбандян, была то ли родной, то ли двоюродной сестрой Степана Налбандяна. Она была замужем за довольно известным по тем временам в Тифлисе армянским писателем Мадатом Петросяном. Единственный сын их Петя погиб, по словам Сильвии, на войне, поэтому им оставалось заботиться только о детях Степана. Тётя Сато очень любила

¹³ Именно так по-армянски звали эту девочку. Окончание *-a* у таких женских имён появлялось только в русскоязычной среде, но она родилась и умерла в Авлабаре, так и оставшись Анаид.

Сильвию и даже поселила её у себя, когда та училась в старших классах. Анаид запомнилась родным очень похожей на свою маму Марию – такая же красивая, белокурая и голубоглазая.



Мадат Петросян с Сильвой

Из всех детей Степана и Марии ещё только у Рафика были белокурые волосы. Единственный мальчик в семье, красивый, голубоглазый, весёлый... Но жизнь его не удалась. Какой-то он легкомысленный получился – учиться не хотел, любил погулять. Всю жизнь проработал шофёром. Много лет работал на такси, потом Гиви Окуджава взял его к себе персональным водителем. Рафик любил застолья, очень увлекался женским полом, оттого, наверное, и семейная жизнь его сложилась не очень хорошо. Жена его Вера была очень полной болезненной женщиной, детей у них не было.



Рафик, Сильва и Люлюшка (Луиза)

Рафик единственный из детей Степана Налбандяна всю жизнь прожил в Тбилиси, практически никуда не выезжая, за исключением фронтовых лет, и в конце жизни практически потерял связь с родными, которые все уже жили в Москве и Ереване. Он, правда, в Москву несколько раз съездил, по полмесяца, один раз в октябре 1939-го и ещё в июне 1940 года. Останавливался в арбатской квартире Ашхен. Оба раза это было уже после ареста Ашхен, так что это не на отдых он приезжал, а помочь маме. Во второй его приезд там в это время как раз

была и старшая его сестра Сильва, – тоже приехала помочь управляться с Булатом и Витей. Тогда-то и было решено старшего из сыновей Ашхен забрать в Тбилиси.

В последний раз в Москве Рафик был сразу после войны, навещал сестру Сиро.

Вернувшись после неожиданного турецкого плена в Тифлис, Сильвия с головой окунулась в заботы о больной дочери. За той требовался постоянный уход, постоянные лечебные процедуры, каждый день, каждый час. У другого давно опустились бы руки, но не у Сильвии. В школу Луиза ходить не могла, занималась дома, одноклассницы приходили к ней, помогали.

Вскоре Сильва снова вышла замуж. Мужем её стал преуспевающий владелец модного магазина – *высокий красивый армянин в голубой шёлковой косоворотке, разъезжающий по Тифлису в мягком фаэтоне* – Вартан Мунтиков.

Она перебралась к Вартану. Вартан обожал Сильвию, обожал маленькую Люлю, обожал своё дело. Сильвия пристрастилась к опере, хотя не имела музыкального слуха и к музыке была безразлична, но уважающие себя люди посещали оперный театр, и Вартан с подобострастием и восторгом сопровождал её на спектакли и вскоре начал напевать знакомые арии приятным баритоном.

Но красивая жизнь с красивым нэпманом получилась не очень долгой. Частное предпринимательство доживало свой век.

Она спрашивала его торопливым шёпотом, что он предпримет, если большевики отменят эти экономические вольности, прихлопнут это всё и плюнут в лицо... «Не отменяют, – смеялся он, – куда им деваться, дорогая?» – «А если, дорогой?» – настаивала она. «Чёрт с ними, – смеялся он, – пойду работать строителем... Или убегу в Турцию... Вместе с тобой... Ну Сильвия, к чему этот бред?..»

Но бред всё-таки победил, и скоро Вартан превратился из хозяина магазина в обыкновенного продавца. Этот удар судьбы потряс их, особенно Вартана: мудрая его жена была давно уже ко всему готова. Семья их так и не сумела справиться с ударом, и через какое-то время они расстались.

Вартана Мунтикова мы вспомнили случайно через много лет в разговоре с однокурсницей Булата Окуджава Ариадной Арутюновой. Зашёл разговор о Сильве, и она вдруг сказала:

– Один из её мужей был мой дядя, Вартан Мунтиков.

– Как? Вартан Мунтиков – ваш дядя?

– Он двоюродный брат моей матери. Она – Мунтикова Мария. Как-то я приезжала в Москву, и Булат водил меня к себе домой познакомить с мамой, с Ашхен. Он сказал маме: ты знаешь, кто она такая? Она племянница Вартана Мунтикова. Но тогда моего прекрасного дяди уже не было в живых. Он очень рано ушёл из жизни. Кстати, я тогда узнала от мамы Булата, что другой мой дядя, Георгий Мунтиков, родной брат моей мамы, какое-то время жил у Окуджава в Москве, когда приезжал по своей партийной работе. Они сблизились с отцом Булата, – видимо, они дружили.

Сильву Ариадна Гайковна тоже хорошо помнила:

– Она практичная была. У неё хоть и ниже образование, чем у Ашхен, но она была более мудрая. Вся семья на ней держалась. Булату она помогла, заменила ему мать.

6

И наконец, самая младшая сестра, Сирануш. Весёлая, жизнерадостная, как и все дети Налбандян, красивая, с огромными голубыми глазами. Она уехала в Москву, к Ашхен, в 1929 году, через семь лет после переезда туда старшей сестры. В Тифлисе остался влюблённый в неё Жора Саркисов. В Москве не так страшно – там всё-таки уже живёт родная сестра, и мама там. Сиро поступила в техникум. Правда, вместе сёстры пробыли недолго – уже в сле-

дующем, 1930 году Ашхен уезжает в Тифлис, куда её отзывают заведующей сектором промышленных районов орготдела ЦК КП (б) Грузии.

Сиро недолго была одна: в техникуме она познакомилась с замечательным парнем Мишей Цветковым, они полюбили друг друга и вскоре поженились. Жили в общежитии.

Михаил Кузьмич Цветков, красивый, добрый и талантливый человек, был заводилой во всех компаниях – эрудированный, остроумный, читал стихи... При том, что сам он был из глухой деревни. Всем был хорош Миша, но был у него один недостаток – Миша попивал. Наверное, наследственное это было, у него и отец погиб рано, утонув нетрезвым на торфодобыче.



Миша Цветков, Сиро и их дочь Аида

А муж Ашхен стал большим человеком в Тифлисе – секретарём горкома партии. И на работе у него всё складывалось хорошо. Вначале они жили в гостинице.

Ашхен вспоминала:

В 1931 году мы жили в гостинице «Ориант», в угловой комнате на втором этаже. Окно нашей комнаты выходило на тихую улочку Джорджадзе. С Александровского сада дул свежий ветерок, что было спасением от жары Тифлиса¹⁴.

А вскоре они получили хорошую трёхкомнатную квартиру возле консерватории, в доме №11 по улице Грибоедова. Раньше этот дом был одноэтажным общежитием консерватории, а потом специально надстроили ещё один этаж и сделали квартиры для начальства.



Булат с родителями. Счастливая советская семья

Но недолго продолжалось их счастье: уже через два года они вынуждены были, бросив всё, спешно покинуть Тифлис. Дело в том, что в 1932 году к высшей власти в Грузии при-

¹⁴ Здесь и далее рассказ Ашхен, если это не указано особо, воспроизводится по воспоминаниям В. Киквадзе.

шёл Лаврентий Берия. И, как ни противилось этому всё руководство грузинских большевиков, и Шалва Окуджава в том числе, их яростная борьба окончилась поражением – Берия уже успел понравиться Сталину. Это случилось ещё год назад, когда руководитель ГПУ приехал к отдыхавшему в Цхалтубо генсеку и нарасказал ему всего, что сумел вывести о руководстве Закавказья. Причём интерес собеседников вызывали не только настроения и высказывания членов руководства, но и факты интимной жизни. В частности, Лаврентий Палыч нашептал шефу, что главный коммунист Закавказья Картвелишвили имеет любовницу комсомолку Олю.

В общем, этому красавцу удалось втереться в доверие Сталина и убедить того в необходимости перемен в партийном руководстве Закавказья. Вернувшись в Москву шефу Берия продолжал писать пасквили на руководителей республики, доказывая, что доверие ему оказано не напрасно.

Придя к власти, Берия тут же снял Шалву с поста секретаря горкома и назначил его заместителем министра земледелия.

Ашхен Налбандян по просьбе Василия Киквадзе вспоминала:

В этот период я работала инструктором отдела промышленности ЦК КП Грузии. Обстановка вокруг моего мужа и меня становилась ненормальной. Г. Арутюнов, ведавший отделом промышленности, изменился ко мне до неузнаваемости. Не стал приглашать на совещания. Я много ездила по промышленным районам, бывала в Чиатурах, Тквибули, Ткварчели. На ферро-марганцевом заводе Зестафони я часто выступала на производственных совещаниях и была в курсе всех производственных вопросов. При моём непосредственном участии был составлен обширный доклад для ЦК о состоянии дел и перспективах нефтеперегонных заводов в Батуме. Несмотря на это, Г. Арутюнов не то что перестал интересоваться результатами моих поездок, а даже распорядился никаких заданий мне не давать и не разрешать выезжать на места. Обстановка становилась невозможной. Я стала чувствовать слежку за мной, люди боялись, остерегались разговоров, встреч со мной. Однажды в коридоре ЦК я встретила с заведующим сельскохозяйственным отделом Амберки Кекелия. Испугавшись встречи со мной, он опустил голову, не поздоровался. Кекелия был другом Шалвы, участвовал вместе с ним в организации «Спартак». Секретарь Кировского райкома партии Серго Ишханов, встретившись <мне> на улице, отвернулся, не поздоровался.

Ясно было, что это начало конца, и Шалва Окуджава вынужден был обратиться к старому другу своих старших братьев Серго Орджоникидзе с просьбой перевести его куда-нибудь в Россию. Серго помог Шалве и отправил его парторгом на строительство Нижнетагильского вагоностроительного завода.

Там всё только начиналось, жить было нелегко, бытовые условия никакие, и сразу брать с собой семью было просто некуда. Поэтому Ашхен с сыном в мае 1932 года вернулась из Тифлиса в Москву и устроилась инструктором в орготделе московского горкома партии.



Сильва с дочерью Луизой и племянником Булатом в Евпатории. Лето 1932 года

Тут в Москве у неё как раз появилась племянница: 12 июня 1932 года у Миши и Сиро родилась дочка. Назвали её странным именем Инмей – что-то японское в нём слышалось. Сиро любила необычные имена. А может быть, страсть к редким именам вообще у них была семейной? Ведь её сестра Ашхен несколькими годами раньше тоже, начитавшись Оскара Уайльда, назвала своего первенца очень необычным именем – Дориан. И уж таким необычным было это имя, что через несколько месяцев родители, так и не привыкнув, сына переименовали. Новое имя, правда, тоже оказалось не совсем обычным, во всяком случае, для армян или грузин. Но у народов тюркской языковой группы оно довольно распространено. У казахов оно звучит как *Болот*, у узбеков – *Пулат*, у татар – *Булат*. И выбор этот, видимо, был не случаен – думается, это в честь своего любимого вождя постарались Ашхен с Шалвой, ведь булат – это сталь.

А Инмей никто переименовывать не собирався. Просто все близкие звали малышку Меей, Меечкой, и никак иначе.

И на этом не заканчиваются истории, связанные с именами. Дмитрий Быков в своей книге приводит длинную цитату про дядю Рафика из рассказа «Утро красит нежным светом» и недоумевает, отчего это Окуджава переименовал в рассказе Рафика в Бориса? Объяснение нашлось в арбатской домоводной книге. Оказывается, не было никакого дяди Рафика вообще, а был именно Борис¹⁵. Во всяком случае, по документам. Но что-то занеменилось настоящее имя семье, и все стали звать его Рафиком. И постепенно его настоящее имя было забыто.



Степан Налбандян и его жена Мария

¹⁵ Паспортные данные Бориса Налбандяна обнаружены В. Юровским.

Очень скоро на смену радости от рождения нового члена семьи пришла горечь расставания с другим: в Тифлисе умирал Степан Налбандян. Он чувствовал приближение смерти и хотел увидеть всех своих дочерей. Ашхен, только недавно приехав оттуда, снова поехала в Тифлис – проститься с папой. Степан уже не вставал и всё спрашивал про Сиро, приедет ли она. Вернувшись в Москву, Ашхен сказала сестре, что отец очень хочет её видеть, и та, взяв с собой месячную Меечку, тоже поехала попрощаться.

После смерти Степана Марию Варгановну ничто больше не держит в Тифлисе, и она окончательно переезжает к Ашхен. Тут она, кроме Ашхен, успевает помогать и Сиро, тем более что Меечка у той родилась очень слабенькая, болезненная. Врачи советовали для укрепления здоровья кормить её свежей клюквой, а единственное место, где можно было тогда купить клюкву, был рынок в Тушино, за городом, куда Сиро и ездила через день, по три часа добираясь на перекладных. К тому же, жить с Мишей ей было всё трудней и трудней, дурная наследственность всё сильней и сильней в нём проявлялась, но Сиро надеялась на чудо.



Сиро, Инмей (Мея), Ашхен, Булат, Мария Варгановна и Витя

А в Тифлисе из большой семьи Налбандян оставались только Сильвия и Рафик.

7

Зимой 1934-го Шалва приезжает в Москву – он избран делегатом XVII съезда партии с правом совещательного голоса. Его сестра Мария Окуджава рассказывала двоюродному брату Васе Киквадзе:

– В дни работы съезда Шалва часто навещал меня на Вальной улице. От доклада Сталина он был в восторге, сказав: «Сталин настоящий лидер и единственный человек, кто оберегает нашу партию от врагов. Его политическая и практическая деятельность огромна. Сталин – подлинный вождь. Речи Каменева, Радека, Ломинадзе, что каялись, не были искренними до конца. Троцкий пишет пасквилы на революцию, партию. Я не допускаю, что революционер мог обливать революцию грязью». В один из вечеров Шалва пригласил меня и двоюродного брата Гоги Киквадзе на оперетту «Весёлая вдова». Потом, провожая его в Нижний Тагил, мы много говорили на Ярославском вокзале об ошибочности его мнения о Сталине...

Вскоре после партсъезда 1934 года у Ашхен и Шалвы родился второй сын, названный Виктором. Ему посвящена одна из глав этой книги, и на его судьбе здесь можно было бы подробно не останавливаться, если бы...

Дмитрий Быков пишет:

Брат Виктор – отдельная и трудная тема в биографии Окуджавы; сам он до 1997 года не упомянул о нём ни разу, ни в стихах, ни в прозе.

О брате Викторе Окуджава не говорил даже в интервью – до такой степени табуирована была при его жизни эта тема. Особенно стыдиться нечего – Окуджава мог быть виноват перед первой женой, перед старшим сыном, хотя и тут у него есть смягчающие обстоятельства, но перед младшим братом чист.

К сожалению, автор не уточняет, почему *особенно стыдиться нечего*. Возможно, Дмитрию Львовичу известны какие-то *смягчающие обстоятельства* в отношении старшего сына Булата Шалвовича, – например, что взять его в семью категорически отказалась вторая жена поэта, но откуда известно, что он *перед младшим братом чист*?

Далее Дмитрий Львович пишет:

Пора назвать вещи своими именами – младший брат Окуджавы страдал душевной болезнью, что и предопределило его судьбу, одиночество и разрыв почти со всей роднёй.

Меня, знавшего Виктора Шалвовича лично, этот пассаж Быкова неприятно поразил и я высказался на эту тему на страничке, посвящённой Булату Окуджава в Интернете¹⁶, и получил вполне дружелюбный ответ от Дмитрия Быкова, в котором он продолжал настаивать на своём.

Но более важным тогда для меня явилось письмо от бывшей коллеги Виктора Шалвовича:

...Спасибо, Марат, за то, что вступились за любимого и уважаемого друзьями и коллегами Виктора Окуджаву.

Не знала о книге и о дискуссии. Только что приятель переслал ссылку на эту страничку. Мы с Виктором вместе работали много лет в Институте проблем управления АН СССР (позже России) и дружили.

Виктор занимался дискретной математикой на очень высоком уровне. У него есть прекрасные научные результаты. Он был чудесным другом, блестящим рассказчиком. В нашей компании до сих пор ходят легенды о его устных рассказах – феерических экспромтах.

За двадцать лет тесного общения никому из нас и в голову не могла прийти мысль о душевном нездоровье Вити.

С уважением, Инна Воклер.

Дмитрий Львович в своей книге не ограничился постановкой диагноза, пошёл дальше и докопался до причин душевного заболевания Виктора:

Причины этой болезни суть многие, тут и детская травма (в случае с Виктором даже более страшная – ему было всего три года, когда взяли родителей), и наследственное безумие – всё-таки дед, Степан Окуджава, покончил с собой именно в помрачении ума.

Оставим в стороне весьма спорное, на мой взгляд, утверждение, что пережить арест родителей в три года страшнее, чем в тринадцать, важно другое: обстоятельства гибели Степана Окуджавы. *Помрачение ума* Степана Окуджавы было вызвано белой горячкой. Алкоголизм, конечно, тяжёлое психическое заболевание, спору нет, но стоит ли его называть «наследственным безумием»?

¹⁶ <http://community.livejournal.com/okudjava/18449.html>: 21.09.10.

Это я запальчиво полемизировал с Быковым десять лет назад. Теперь я должен перед ним повиниться – чего уж там скрывать, я и сам считал Виктора Шалвовича, мягко говоря, не вполне ординарным человеком. Более того – в этом плане и Булат Шалвович тоже мне не внушал большого оптимизма. Но было одно обстоятельство, подвигнувшее меня наброситься на Дмитрий Львовича аки пёс цепной.

Дело в том, что вдова поэта во многих интервью говорила, что муж у неё был не вполне адекватный и вообще чуть не все лучшие его песни написаны ею. Эти высказывания вдовы можно было бы, наверное, объяснить другим душевным заболеванием – манией величия, но сейчас не о ней.

Мне не нравилось, что и как говорит вдова, а под горячую руку попал ни в чём не повинный Дмитрий Быков.

8

В последний раз Сильвия вышла замуж в 1934 году. Николай Иванович Попов был на десять лет моложе, он был женат и имел двухлетнего сына. Ничто из этого не помешало ему моментально влюбиться в роковую Сильвию, потерять голову и бросить семью.

Его отец Иван Бозарджянц до революции был известнейшим фабрикантом. У него были один или два брата. Братья Бозарджянц были владельцами крупнейшей табачной фабрики. Трёхэтажный особняк Бозарджянцев в центре Тбилиси до сих пор выделяется роскошью и необычной архитектурой. А тогда этот дом даже получил специальную архитектурную премию конкурса, организованного тифлисской мэрией, – за лучший фасад¹⁷.

Их отец был обыкновенным кинто, разносчиком, торговцем с лотка, а сыновья постепенно сумели разбогатеть. Здание их табачной фабрики стоит до сих пор. Братья одними из первых в Тифлисе обзавелись автомобилем. В общем, всё у них было прекрасно, пока в 1921 году не появились большевики. Те быстренько, уже через год, национализировали собственность братьев. Но рабочие уважали своих прежних хозяев и сами выбрали «красным» директором завода бывшего владельца Ивана Бозарджянца.

Иван Николаевич, как и подобает «красному» директору, ходил по заводу в красной жилетке, но всё равно продиректорствовал недолго. Вскоре его как классового врага прогнали и директором поставили простого рабочего, как тогда было принято.

Дом их, красивый, трёхэтажный, тоже, конечно, отняли, но совсем на улицу бывших хозяев не выгнали, дали им одну комнату – бывшую кухню. Кухня была огромная, больше ста квадратных метров, там оставались котлы от прежней жизни, уже не работающие. Вот среди этих котлов они и жили. Умер Иван Николаевич Бозарджянц в 1942 году.

В 1922 году его сыну Николаю было шестнадцать лет. Он заканчивал школу, и нужно было куда-то поступать учиться дальше. Но с постыдной теперь фамилией Бозарджянц нечего было и думать о поступлении. Поэтому они вместе с отцом решили, что он отказывается от отцовской фамилии, берёт фамилию матери и становится Николаем Ивановичем Поповым.

Он поступил в коммерческое училище, женился, выучился на экономиста, стал хорошим специалистом и хотел бы совсем забыть о своём «сомнительном» происхождении, но ему не давали этого сделать. Это происхождение ещё много раз в жизни приносило неприятности.

Вот за такого двадцативосьмилетнего красавца и умницу выходит Сильвия в последний раз замуж в 1934-м.

¹⁷ <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20160726/232833458.html>



Николай Иванович Попов, сын богатейшего тифлисского фабриканта Бозарджянца и последний муж Сильвии Степановны Налбандян

Николай переезжает к Сильве в квартиру на улице Грибоедова, в которой ещё два года назад жила её сестра Ашхен с мужем и сыном Булатом и откуда после неудачной попытки воспрепятствовать возвышению Лаврентия Берия Шалва Окуджава с семьёй вынужден был поспешно бежать из Грузии.

Николай Иванович и Сильвия Степановна прожили вместе почти пятьдесят лет. Общих детей у них не было, только от первых браков: у Сильвы дочь Луиза и у Николая сын Юрий.



Сильва, Николай, Витя Окуджава и Мария Варгановна. Калинино, 1937 год

Они были далеки от политики, но спокойной жизни всё равно не было. Отчасти это было связано с происхождением Николая Ивановича, но в ещё большей степени не давало себя забыть родство Сильвы с «врагами народа». Однако Сильва умела создавать и поддерживать нужные знакомства, и это много раз спасало её и её семью. Она дружила с крупными начальниками из системы ГПУ—НКВД, и, бывало, её предупреждали о какой-то новой кампании и советовали куда-нибудь уехать. Сильва даже мужа сумела устроить в эту систему экономистом, чтобы быть к ним поближе, но и это не всегда помогало. В самый разгар арестов знакомый сотрудник НКВД предупредил Сильву, что они с мужем находятся в списке на арест. Пришлось поспешно бежать из Грузии. Осели в молоканском селе Калинино на территории Армении, провели там год или полтора, работали учителями в школе. Сильвия преподавала русский язык и литературу и была завучем, а Николай – экономическую географию. В Тбилиси вернулись накануне войны, когда аресты прекратились.

Ну, тогда все жили под страхом. Сын Николая Ивановича Юрий после ухода отца к Сильве остался с мамой. И они тоже всё время боялись. Юрий Николаевич вспоминает, как единственный раз в жизни его мама отшлёпала. Это был тот самый 1937 год, Юре было четыре года. Мамины сёстры в своё время повыходили замуж за инженеров, специалистов царских ещё

времен. К 1937 году мужей этих забрали и подбирались уже к самим сёстрам. И вот однажды маленький Юра ночью вышел из квартиры на галерею и сильно постучал в дверь снаружи. Домашние с упавшими сердцами открыли дверь, а там – Юра. Вот тогда ему и досталось, хотя он даже понять не мог, за что.

9

Летом 1934-го Ашхен засобиравалась к мужу. Шалва часто приезжал в Москву по работе, но всё равно нормальной семейной жизнью это назвать было нельзя. К тому же недавно, 25 мая, у них родился второй сын, Витя. В Нижнем Тагиле теперь уже есть жильё, школа, и можно спокойно жить всей семьёй. Булат как раз с начала учебного года в четвёртый класс пойдёт.

Пора, пора было ехать: неизвестно, как там Шалва один живёт. Да и один ли? Похоже, не всегда один...

Когда летом 1932 года Шалва приехал на Урал, на месте будущего промышленного гиганта был просто лесное болото в девяти километрах от города Нижний Тагил, и даже никакой дороги сюда из города не было. Сказать, что условия для жизни были плохими – ничего не сказать. Условий просто не было.

Вспоминает сын коллеги Шалвы Окуджава по работе в парткоме Нижнетагильского вагоностроительного завода Юрий Михайлович Чевардин:

– Здесь был лес непроходимый. В то время о дорогах и не думали, всё на лошадях, машин не было никаких...

Шалва рассказывал жене, как на стройку приехал Орджоникидзе, как посмотрел на условия, в которых работают люди, и сказал ему тихо по-грузински, что надо заканчивать с рабским трудом. После этого по распоряжению Орджоникидзе на стройку стали поступать экскаваторы, лебёдки, бетономешалки и другая техника. Орджоникидзе был человеком дела, обещанное выполнял, но и требовал полной отдачи от всех.

К зиме надо было соорудить хоть какие-то бараки, иначе ни о каком строительстве завода и речи быть не могло. Что-то успели построить, но всё равно жилья не хватало. Бараки были переполнены, и многие жили в палатках. В одном из построенных бараков получил комнатку и парторг Окуджава. Первую зиму пережили очень тяжело – морозы были до сорока градусов и даже ниже. И в бараках было не намного теплее.

А потом, уже через год, начали строить так называемые брусковые дома, на восемь квартир каждый, правда, и в них было очень холодно.

Юрий Чевардин:

– Мы жили в брусковом доме на втором этаже. Вот такая погода, как сейчас. И отец приходит с работы грязный, в сапогах и фуфайке, и так и по дому ходит. Спать было невыносимо холодно, родители меня клали посередине между собой, и всё равно я мёрз...

В этом же доме получил квартиру и Шалва Окуджава. К приезду его семьи жизнь на стройке как-то наладилась, уже не только дома, но даже четыре школы построили. В одну из этих школ, №9, и пошёл учиться старший сын Ашхен и Шалвы. Школа ещё была даже не до конца достроена.

Из книги «Гордость моя – Вагонка»:

Сбылось то, о чём мечтали, ради чего жили и работали без сна и отдыха партийные вожаки Ш. С. Окуджава, С. И. Яновский, М. В. Чевардин, И. И. Глаголев и все рабочие стройплощадки. Люди одолели тайгу и болото. Всего за пять лет были выстроены красавец-завод и большой

социалистический город, который с тех пор стали привычно называть «Вагонкой»¹⁸.

На новом месте Ашхен тоже устроилась работать на стройке, начальником отдела подготовки кадров, и конечно, так же, как и муж, с утра до ночи пропадала на работе. Детями занималась бабушка Мария.



Ашхен Степановна Налбандян строит счастливое будущее всего человечества. Вместо того, чтобы сыновьям своим любовь свою материнскую подарить. Ей казалось, времени хватит на всё. Нет, ни на что не хватило

Там они прожили меньше года, а в марте 1935-го Шалву назначили первым секретарём горкома Нижнего Тагила, и они переехали в город. В центре Нижнего Тагила получили отдельный каменный бывший купеческий дом с тремя комнатами и тёплым туалетом. Позже на повышение пошла и Ашхен – в феврале 1936 года она стала заместителем секретаря райкома партии. Булата перевели в городскую школу.

В художественной литературе осталось воспоминание свидетеля тех лет о наших героях – писатель Александр Авдеенко включил в своё произведение такие строки:

Бывший начальник Коксохимстроя Магнитки Марьясин обосновался неподалеку от старого, демидовских времён, Нижне-Тагильского завода, командует новой огромной стройкой, будущим Уралвагонзаводом. Вместе с ним работает легендарный прораб Днепрогэса и Магнитки Тамаркин, о котором я рассказывал Горькому. Строит крупнейший в мире вагоноборочный цех.

Еду в Нижний Тагил, чтобы написать о Тамаркине очерк для «Правды».

В парткоме Уралвагонстроя меня встречает смуглый, с блестящими глазами, очень кудрявый и очень весёлый, энергичный товарищ – секретарь парткома и парторг ЦК Шалва Окуджава. Он толково посвящает меня в дела строительства. День, вечер и часть ночи провёл я в разговорах с Окуджавой. Ужинаю и ночью у него, в рубленом доме, хорошо натопленном и ещё сочащемся прозрачной живицей. Сын Окуджавы, маленький Булат, почему-то не сводит с меня глаз. Смотрит, всё смотрит и будто хочет просить о чём-то и не решается. Глаза у него тёмные, печальные, неулыбчивые.

Утром, когда я возвращался к себе после бритья и душа, обнаружил в своей комнате полуодетого Булата. Он стоял у стола над моим путевым дневником и мучительно, как мне показалось, раздумывал над единственной строкой сверху чистого, в клеточку листа.

¹⁸ Кузьмина Г. М., Костромин В. М. Гордость моя – Вагонка: 50 трудовых лет Уралвагонзавода. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С. 93.

Мальчик вспыхнул, увидев меня на пороге, и убежал. Догадываюсь о его состоянии. Первый раз видит живого писателя.

После завтрака Шалва Окуджава показывает мне громадную, неоглядную площадку Уралвагонстроя, потом ведёт к Тamarкину¹⁹.

Через месяц после нового назначения Шалвы в Тифлисе умирает Елизавета Павловна Окуджава.

Шалва проститься с матерью не поехал – на похоронах он непременно оказался бы в гуще грузинских оппозиционеров, а знаться с ними было уже очень опасно. В том числе и с родными нельзя было встречаться – старшие братья и сестра уже прошли через сталинские ссылки. Поэтому Шалва вынужден был ограничиться телеграммой. И ещё он написал письмо своей старшей сестре:

Дорогая Оля!

Несчастье, постигшее нашу семью, тяжело отозвалось. Наши чувства к нашей матери огромны, безграничны. Мы все любили её чистой святой любовью. В эти дни я с вами, вместе оплакиваю смерть нашей любимой матери. Судьба наделила её страданиями, лишениями. Она рано познала полицию, тюрьмы и др. органы насилия, которые преследовали до самых последних дней жизни. Мы обязаны памяти нашей матери. У меня огромное желание принять участие в сооружении памятника. В ближайшее время надеюсь выслать деньги для памятника. Мне хочется иметь фотографию матери в увеличенном виде, дорогой раме. К сожалению, у меня нет никакой фотографии, чтобы выбрать для увеличения. Я помню, мама мне показывала фотографию, где рядом стоит тётя Макрине. Снимок этот сделан в фотографии Мичник, что на Эриванской площади. Эта фотография мне очень понравилась. Хорошо бы сделать увеличенную фотографию. Я осмеливаюсь просить тебя не полениться и посоветоваться окончательно с Мичник и сделать заказ. Все расходы, связанные с фотографией, незамедлительно будут высланы.

15 апреля 1935. Н-Тагил

Письмо получилось довольно смелым, даже крамольным. Как это он рискнул написать: «Она рано познала полицию, тюрьмы и др. органы насилия, которые преследовали до самых последних дней жизни»? Да, последние годы жизни Елизаветы тоже были омрачены тюремными преследованиями её детей, но это уже были советские тюрьмы. И всё же ей несказанно повезло умереть именно теперь, незадолго до того, как будут физически уничтожены пятеро её сыновей и дочь.

Ашхен говорила потом, что Шалва очень переживал смерть матери, а ещё больше то, что не смог проститься с ней. Чтобы как-то вместе разделить горе, они пригласили в Нижний Тагил самого младшего брата Шалвы Васю. Они часами разговаривали, вспоминали Кутаиси, детство...

Василию Киквадзе Ашхен рассказывала:

Однажды мы втроём поехали в Свердловск, где купили Васе шевиотовый костюм, ботинки и пальто из синего драпа. Они всё время играли в шахматы, и когда Шалва проигрывал, что бывало часто, злился. Вася хорошо читал стихи Бараташвили, и мы с наслаждением слушали «Мтацминда» и другие стихи.

Вася привёз книгу «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» Берия. Мы были поражены появлением этой книги. История революционного движения в Грузии, Закавказье освещалась

¹⁹ Авдеевко А. Отлучение // Знамя. 1989. №3. С. 54.

таким образом, что только Сталин был единственным организатором и руководителем забастовок, демонстраций в Баку, Тифлисе, Батуме. Сталин произносит глубокие теоретические речи против самодержавия, полемизирует с меньшевиками, анархистами. Сталин поддерживает связь с Лениным, Крупской и т. д. Всё в книге было изложено в фальсифицированном виде.

А Сиро тем временем мучилась, мучилась в Москве со своим непутёвым Мишей и, наконец, решила – бросила всё, взяла с собой только Меечку и поехала к сестре и маме в Нижний Тагил.



Справа налево сидят: Булат с мамой Ашхен и Мея с мамой Сиро. Нижний Тагил, 30 августа 1934 г.

О новых обстоятельствах жизни Сиро узнал её давний тифлисский поклонник Георгий Саркисов и тоже примчался в Тагил. Он всё-таки дождался её и, наконец, они поженились. Обосновались в Тагиле, устроились на работу. Сиро работала чертёжницей на том же вагоностроительном заводе, что и сестра.

И всё у них было хорошо, вот только Меечка была по-прежнему слабенькой и болезненной. Скоро у Жоры и Сиро родилась дочь. Сиро назвала её Аида, но отец, не склонный к экстравагантным именам, записал дочь под исконным армянским именем Анаид. Она родилась в первый день 1936 года и чуть-чуть разминувшись со старшей сестрой – за двадцать дней до рождения Анаид умерла Меечка. Её угораздило заболеть дифтерией, и эта болезнь совсем её погубила.

10

18 февраля 1937 года Шалва Окуджава был арестован. Ашхен Налбандян рассказывала журналисту:

Свердловский обком партии вызвал Шалву, потребовав срочно приехать. Интуитивно мы почувствовали что-то нехорошее. Решили ехать вместе, с детьми осталась моя мать. Всю дорогу он молчал. Перед тем как войти в здание обкома партии, Шалва передал мне свой партбилет.

Вернулась я домой совершенно разрушенная. Матери и Булатику я не могла толком объяснить происшедшее. В печати, по радио передавали об арестах врагов народа²⁰.

Ашхен исключили из партии в тот же день на внеочередном пленуме Нижнетагильского горкома партии²¹. Правда, она в разговоре с журналистом Зарнадзе вспоминает по-другому, – что исключили её уже в Москве, куда она отправилась через несколько дней после ареста

²⁰ Здесь и далее без специальных сносок цит. по: *Зарнадзе Г.* Галактион, Окуджава и другие. Тбилиси: Мерани, 2004. Обратный перевод с грузинского О. Дзимистаришвили.

²¹ *Алексеев С.* Царь-женщина // Урал. рабочий. Свердловск, 1989. 1 окт. С. 6.

мужа, наскоро собрав детей и маму, оставив все вещи. Да и Шалву, утверждает она, исключали там же, заочно – ведь он как парторг ЦК состоял на партучёте в Москве.

Как бы там ни было, из Тагила уехали они вовремя. Спустя годы выяснилось, что уже был написан донос и на Булата:

Секретарю Сталинского РК ВКП (б)

г. Н-Тагила тов. Романову.

Довожу Вас до сведения о следующем:

15 февраля 1937 г. застрелился областной прокурор Курбатов, моё мнение самоубийство связано с разоблачением троцкистов – Окуджава, Марьясина, Турок и Давыдова. Поскольку Давыдов был связан с Турком и Марьясиным, а Курбатов был связан с Давыдовым, так как Курбатов приезжая в отпуск в Тагил отдыхал с Давыдовым и у него на даче всегда, а также и приезжая в командировки в Тагил, он спал и ел у Давыдова. В части Окуджава – у Окуджава в школе учился сын 11—12 лет, который в школе говорил с учениками о том, что у него есть за границей дядя и сводная сестра, т. е. брат Окуджава, и чтобы якобы Окуджава от брата получал письма, а сестра писала о том, что (мы живём за границей лучше, богато и <в> Советский Союз не поедём). Эти разговоры были в школе ещё ранее до разоблачения Окуджава, а когда разоблачили и об этом школьники узнали и 23 февраля с. г. мой сынишка приходит из школы и говорит: «Папа троцкист сын Окуджава, в школе нам вот говорил чего» – т. е. о вышеизложенном. Если это верно, то можно думать, что Окуджава непосредственно сам был связан с этой контрабандой за границей, что подлежит проверке – как в части Окуджава, также Давыдова с Курбатовым.

Член ВКП (б) Косачев. 23/II-37 г.²²

В Москву, в Москву! Произошла чудовищная ошибка, и её надо незамедлительно исправить.

Опять же из рассказа Ашхен Г. Зарнадзе:

Я в душе была убеждена, что это ложь, провокация, которая исходит от Берия. Я понимала, что обвинения моего мужа в троцкизме, вредительстве основываются на ложных сфабрикованных документах. Я была убеждена в том, что авантюрист, жулик Берия поставил своей целью репрессировать всех тех, кто хоть что-либо знал о его прошлых связях с мусаватистской охранкой.

Почти о том же, судя по воспоминаниям В. Киквадзе, говорила сестра Шалвы Маня Окуджава, только виновником семейных бед она видит совсем другого человека:

Сообщение Молотова на февральско-мартовском пленуме о контрреволюционной деятельности Шалвы Окуджава было лишено оснований и потому являлось провокацией. В Тифлисе мои братья Володя, Миша, Вася и сестра Оля были репрессированы. Арест Шалвы свидетельствует о том, что Сталин решил физически уничтожить семью Окуджава...

И ещё – из книги, посвящённой истории Уралвагонзавода, воспоминания С. И. Яновского:

Шалва Степанович Окуджава остался в моей памяти образцовым партийным руководителем. Спокойный, уравновешенный, он никогда

²² Правописание – авторское. Публ. С. Алексеева, зав. партийным архивом обкома КПСС (Урал. рабочий. Свердловск, 1990. 16 дек.).

не повышал голоса, хотя на заседаниях парткома обычно страсти накалялись очень сильно. В его отношениях с людьми чувствовалось какое-то особое обаяние²³.



«О чём ты успел передумать, отец расстрелянный мой...»

Ашхен пока продолжает боготворить Сталина, как боготворил его до самой смерти и её муж. Поэтому вызывают сомнения вот эти слова Дмитрия Быкова:

Трудно, впрочем, допустить, что в 1938 году Окуджава так уж верил в непогрешимость «кремлёвского усаца». Думаю, его отношение к Берии определил арест матери, а отделять Сталина от Берии он вряд ли был склонен даже в отрочестве. Всё-таки слышал разговоры, бывал в Грузии... Вероятнее всего, его окончательное прозрение относится к середине сороковых, но невозможно сомневаться, что «красным мальчиком» он перестал быть именно с тех пор, как взяли Ашхен. Отсюда – и часто упоминаемое пьянство, и девки, и даже воровство: гори всё огнём!

Не знаю, определил ли арест матери отношение Булата к Берии, – тоже сомневаюсь, ведь в их семье оно всегда было негативным (и это дальше подтверждает сам Быков), и вряд ли он мог услышать об этой личности что-то хорошее из уст своих родителей. Но откуда известно, что *отделять Сталина от Берии он вряд ли был склонен даже в отрочестве*, совершенно непонятно. *Всё-таки слышал разговоры, бывал в Грузии?* Так ведь его отец там тоже бывал и даже работал на ответственных постах. И никакие разговоры, да что там разговоры – споры до хрипоты с братьями и сёстрами не смогли изменить его восторженного отношения к Сталину, хотя его братья давно знакомы были с Кобой и хорошо знали ему цену. И уж тем более Булат не перестал быть «красным мальчиком» после ареста матери, нет! Скорее, он был готов поверить, что его родители действительно шпионы и предатели, чем разувериться в Сталине, и он об этом не раз говорил журналистам. И совсем уж странно увязывать с верой в Сталина приведённые в цитате *часто упоминаемое пьянство* и тем более *девок*. По-моему, здесь больше возраст, гормоны и окружение виноваты.

Далее – о том, куда обращалась мама в поисках защиты мужа. Дмитрий Быков пишет:

А в конце 1938 года, когда Булату было уже четырнадцать, забрезжила надежда: убрали Ежова. Приказ о его снятии и назначении Берии был обнародован 8 декабря 1938 года. Ашхен почти сразу добила приём у нового наркома.

²³ Цит. по: Кузьмина Г. М., Костромин В. М. Указ. соч. С. 78.

Марат Гизатулин в очерке «Времени не будет помириться» придерживается другой версии: он полагает, что Ашхен была у Берии ещё в 1937 году, съездив для этого в Тбилиси. Тогда Берия был ещё первым секретарём Заккрайкома, секретарём ЦК Грузии, – до его перевода в Москву оставался год, – и Ашхен в 1980 году рассказывала грузинскому исследователю Гизо Зарнадзе, что попала к нему на приём именно тогда. Возникает, однако, вопрос – почему она искала у Берии заступничества от НКВД? Чем мог партийный руководитель Закавказья помочь в деле о вредительстве на Уралвагонзаводе? Можно было апеллировать к давнему знакомству, но отношения семьи Окуджава с Берией были не особенно приятными уже в двадцатые годы.

Начнём с конца. В качестве одного из аргументов несостоятельности моей версии здесь говорится о давних неприязненных отношениях между семьёй Окуджава и Лаврентием Берия. Но тогда не работает и версия самого Быкова, ведь по ней Ашхен тоже пошла на приём не к кому-то другому, а именно к Берии. Однако главное не это, главное, что она сама рассказывает, что была на приёме именно в 1937 году именно в Тбилиси. А не доверять её словам оснований у нас нет. Почему она искала у руководителя Закавказья заступничества от НКВД? Да хотя бы потому, что до того, как стать руководителем Закавказья, Берия был руководителем НКВД, пусть и не всесоюзного. Тем более, что о его всемогуществе и близости к Сталину и тогда уже многие знали. Не следует забывать, что Шалва Окуджава был не просто секретарём парткома завода, а парторгом ЦК.

И даже это не главное. С чего бы она вдруг должна была озаботиться защитой мужа только почти через два года после его ареста?

Но Дмитрий Быков предпочитает верить роману «Упразднённый театр», отбросив то, что говорит сама его реальная героиня. А верить стоит обоим источникам, ведь обе эти версии вовсе не исключают друг друга. Быкова, видимо, смутило то, что Ашхен Степановна из Москвы будто бы специально ездила в Тбилиси, чтобы встретиться с Берией. На самом деле она в Москве-то, приехав из Тагила, пробыла не очень долго. Сунулась было в горком, где её все хорошо знали, но там её быстренько исключили из партии (как она сама говорит; но, скорее, это было подтверждением свердловского исключения). Потом в кулуарах секретарь одного из райкомов, хорошо к ней относившийся, шепнул ей, чтобы она хватала детей и как можно скорее из Москвы бежала²⁴. Так что она не «съездила в Тбилиси», а уехала туда из Москвы достаточно надолго!

Вот она опять сама говорит всё тому же Гизо Зарнадзе:

В Тбилиси я вернулась в 1937 году. Отца уже не было в живых. У нас была маленькая комната на Грибоедовской, я с Витей вместе спала, Булат и бабушка отдельно.

Мою сестру и зятя тоже стали кусать: почему прячете у себя сыновей троцкистов.

Так что тогда, при встрече с Лаврентием Берией в 1937 году, она не только про Шалву ему говорила, но и просила не преследовать её детей и сестру. Он обещал. Но можно ли было верить его обещаниям? Ясно было, что задерживаться в Тбилиси опасно.

И Ашхен снова собирается в Москву. Может быть, о ней там уже забыли? Там у них хоть жильё было – две комнаты в коммунальной квартире на Арбате. К тому же лето заканчивалось, Булату надо было идти в школу.

²⁴ Из беседы с Гизо Зарнадзе: «После пленума зашла к секретарю горкома... и спросила: „Как мне теперь здесь жить с маленькими детьми?“ Он был приличным человеком и сказал: „Возьмите детей и спасайтесь“. Очень скоро его тоже расстреляли».

Но сначала Ашхен съездила на Урал – последний раз в жизни. Там она подала апелляцию на своё исключение из партии. И 27 августа 1937 года бюро Свердловского обкома партии, рассмотрев апелляцию, утвердило решение Нижнетагильского горкома ВКП (б) об её исключении²⁵. А почти через год, 3 июля 1938 года, аналогичное решение приняла и комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б).

Вернулись в Москву. 1 сентября 1937 года Булат пошёл в новую, только что построенную школу №69 в Дурновском переулке. Таких типовых школ тогда построили много по Москве, но до наших дней ни одного здания не сохранилось – они были очень некачественные. Учеников собрали из разных других школ, тех, кто жил поближе. Поэтому Булату повезло – не он один был новичком в классе, все были новичками, все были на равном положении. И троцкистом его никто не обзывал.



Снова в школу

Ашхен опять искала хоть какую-нибудь работу, – но тщетно. Лишь в октябре кое-как удалось ей устроиться кассиршей в промартели «Швейремонт».

И потекла тихая невесёлая жизнь. Денег не хватало, помогали живущая в Москве сестра Шалвы Маня и близкая подруга Ашхен Иза. А больше с ними никто и не общался.

Через год вновь затеплилась надежда. Дело в том, что 9 декабря сняли с работы народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова. В газетах, правда, писали, что «тов. Ежов Н. И. освобождён, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его народным комиссаром водного транспорта», но всем было понятно, что его именно сняли и что недолго ему оставаться народным комиссаром водного транспорта. Придёт новый нарком и начнёт, как это у нас принято, разоблачать ошибки и преступления старого, а значит, могут пересмотреть многие дела.

Тут ещё выяснилось, что преемником Ежова назначили старого знакомого. Лаврентий сделал головокружительную карьеру – из Тбилиси его перевели в Москву, теперь он стал наркомом внутренних дел всего Советского Союза. Ашхен обрадовалась: теперь уж он, наверное, раздобьётся, забудет старые обиды. Ведь от него теперь зависит судьба любого человека в стране, – неужели он не проявит великодушия? Да и кому, как не Лаврентию, знать, что Шалва никакой не шпион и не троцкист.

Долго она добивалась встречи с ним – теперь Лаврентий стал совсем недоступным, – но всё-таки добилась. Обстоятельства этой встречи нам неизвестны, поэтому предоставим слово её сыну, которому она рассказывала об этом:

Он усадил её в мягкое кресло. Сам уселся напротив. Она ещё подумала, что хорошо бы без пошлых шуточек, но он и не думал шутить. «Вайме, вайме, – сказал он тихо, – что

²⁵ Протокол №13 заседания Свердловского обкома ВКП (б) от 27.08.37.

натворил этот мерзавец!..» – «Ну, хорошо, что это выяснилось, – сказала она строго, – ты ведь не можешь сомневаться, что Шалико...» – «Как ты похудела! – воскликнул он. – Вайме, вайме!..» – Потом сказал очень по-деловому: «Ашхен, дорогая, навалилось столько всего... оказывается, такой завал всяких преступлений! Так трудно это всё освоить, исправить... – внезапно повысил голос, – но мы разберёмся, клянусь мамой! Не я буду, если не разберёмся!.. – и схватил её за руку. – А Шалико я займусь завтра же, ты слышишь?..»

Ашхен, счастливая, с Лубянки летела домой как на крыльях... По пути забежала поделиться радостью с лучшей подругой Изой. Заговорились, размечтались, и домой она попала совсем поздно. Мария Вартановна тоже охала и всплёскивала руками: «Какая радость! Какая радость!»



В таком возрасте братья Булат и Витя остались без папы

Кстати, то, что она и в Москве ходила на приём к только что назначенному главным всесоюзным чекистом Берия, подтверждается не только романом «Упразднённый театр». Ближайший друг Булата Окуджава по Калуге Николай Панченко рассказывал со слов Булата, что Берия тогда успокоил мать, заверив, что быстро во всём разберётся, – не волнуйся, мол, поезжай домой, не успеешь доехать, как всё разрешится, всё станет на свои места. И дальше Булат рассказал Николаю, что маму арестовали сразу после приёма у Берия, в ту же ночь. Всего в Москве после возвращения из Тбилиси они прожили меньше двух лет.

Холодной зимней ночью в дверь постучали.

Вот как это запомнилось Ашхен Степановне:

Был февраль 1939 года. В том году была холодная зима. Ворвались в два часа ночи. Булат сразу же проснулся. Он себя считал большим мальчиком. Пугали нас, не били, но сказали стоять не двигаясь. Это было одной из форм мучения. <...>

В ссылку повезли вагоном, в котором были всевозможные люди – и политические, и воры, и проститутки. В день давали кусок хлеба и немного горячей воды. В туалет водили милиционеры. Довезли до Карагандинского лагеря. Одно время были в тюрьме, потом вели пешком пятьдесят километров. Привели в какой-то очень большой хлебный склад. С утра до позднего вечера заставляли работать. Спали на нарах. Кроме работы в хлебопекарне, нас заставляли строить и бараки. Я предпочла работать на стройке²⁶.

Что это было за место, рассказывает журналист Динара Бисимбаева:

²⁶ Из беседы с Гизо Зарнадзе.

Семьдесят лет назад здесь была степь. Голая, холодная и безлюдная степь. Сорок градусов жары летом, столько же, но со знаком минус – зимой. В зловещем 1937-м на основании приказа НКВД здесь появилось Акмолинское спецотделение КарЛАГа, АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников родины²⁷.

Ашхен свой срок отбывала в отделении этого лагеря под названием «Батык». Экономическое образование ей очень пригодились – в конце концов её определили экономистом в совхоз.

В своих воспоминаниях подруга по несчастью, бывшая до ареста первым секретарём одного из райкомов партии Москвы, Ксения Чудинова, упоминает об Ашхен:

В «Батыке» я встретила и подружилась с Зиной Салганик, женой расстрелянного секретаря Фрунзенского райкома партии Москвы Захара Федосеева. С Зиной Салганик и Соней Зильберберг, старой большевичкой, мы сплотили небольшую группу москвичек-партизанок. Ашхен Степановну Налбандян я хорошо знала ещё по Москве, она работала в Московском комитете партии²⁸.

Рассказывая об этом аресте, Дмитрий Быков пишет, что для Булата «это снова означало переезд, потому что теперь ему было четырнадцать, и до него могли добраться. Это и было главной причиной его отъезда из Москвы, а не то, что бабушке стало с ним трудно и понадобилась помощь тёти Сильвии».

Ну, во-первых, после ареста Ашхен никакого переезда Булата не последовало. Они прожили в Москве с бабушкой ещё почти два года, и Булату уже было не четырнадцать, а шестнадцать лет. А во-вторых, причём здесь вообще четырнадцатилетие, если с 1935 года в СССР уголовному преследованию вплоть до расстрела подвергались дети с двенадцатилетнего возраста? Так что объяснение Дмитрием Львовичем причины отъезда не выглядит убедительным.

А вот в пользу того, что бабушке действительно стало тяжело справляться с внуком, и потому его отправили в Тбилиси, свидетельствует, кроме слов самого Булата Шалвовича, хотя бы ещё тот факт, что Сильвия, приехав в Москву почти на целый месяц, прежде чем увезти Булата, вместе с бабушкой пыталась на него как-то воздействовать.

В конце концов, по окончании учебного года решено было отправить Булата в Тбилиси, к тётке Сильве, – хотя бы от дурной компании его надо было оторвать. И тётка действительно спасла его, внесла покой в его рассудок и душу. Она рассказала племяннику «по секрету», что его родители вовсе не арестованы, а посланы за границу с особым заданием и что для конспирации пришлось объявить их врагами народа.

11

Сиро с мужем и дочерью после всех этих ужасных событий тут же, конечно, уехали из Нижнего Тагила. Но прежде Сиро успели исключить из комсомола, сразу после исключения из партии её старшей сестры. Вернулись в Тбилиси. Несколько лет прожили там, и трёхлетняя Анаида, которую настоящим именем, по доброй семейной традиции, никто, конечно, не звал, а звали Аидой и до сих пор так зовут, уже начала лопотать по-грузински.

²⁷ <http://ru.delfi.lt/news/live/article.php?id=19485521>: 21.09.10.

²⁸ Здесь и далее: Чудинова К. П. Памяти невернувшихся товарищей // Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошёл ад репрессий / Сост. Л. М. Гурвич. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 27, 34—35.



Георгий Саркисов с женой Сиро и их дочерью Аидой

Но её дальнейшему изучению грузинского языка помешало неожиданное событие. В 1939 году из Москвы в Тбилиси вдруг приехал бывший муж Сиро Миша Цветков. Умолял её вернуться, плакал, говорил, что бросил пить. И сердце Сиро дрогнуло, – ведь она его любила. Да и Сильва ей нашёптывала, она всегда очень благоволила к Мише. В общем, Сиро оставила Жору Саркисова, теперь уже навсегда, и вместе с Мишей и Аидой вернулась в Москву. У Миши была комната в коммуналке на Масловке, потом им дали квартиру в профессорском доме на Ленинградском проспекте, напротив аэровокзала.

Первое время Миша действительно держался, не пил. Аиду он удочерил, относился к ней как к родному ребёнку, и она на всю жизнь сохранила к нему самые тёплые чувства.

Миша работал в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. Он не только изобретал, но и сам был лётчиком. С началом войны всю академию перевели в Свердловск, а семьи отправили в эвакуацию в Уфу. Миша часто летал на фронт, изобрёл какой-то особенный прицел. И начальник академии спросил его, чего он хотел бы. Миша попросил перевести его семью в Свердловск, – он очень скучал без Сиро. Его просьбу удовлетворили.

В Свердловске было голодно. Сиро пошла работать в эвакогоспиталь. Разгружала эшелоны с ранеными бойцами. Их, тяжёлых, закованных в гипс, как правило, приходилось носить на спине в любой мороз. Обеды не ела, несла домой – дома оставались дочь и свекровь. А ещё вышивала и обвязывала тончайшие шифоновые платочки, которые начальство возило на базу, чтобы получить более качественные продукты для госпиталя.

В 1951 году Сиро с дочерью после долгой разлуки с родственниками съездили в Тбилиси и в Ереван. В Тбилиси встретились с Рафиком, который на самом деле Борис, а в Ереване с мамиными сёстрами Сильвой и Гоар. Аида вновь познакомилась с Юрой Поповым, сыном Николая Ивановича, с которым они виделись в последний раз ещё когда «на горшок ходили», в Тбилиси. Теперь Юра был бравый выпускник суворовского училища. И именно тогда какая-то искорка пробежала между ними, но не погасла, а разгорелась, соединила их судьбы и горит до сих пор.



Сильва Степановна и супруги Поповы: сын мужа Сильвы Николая Ивановича Юрий и дочь Сиро Аида

А у Юры после суворовского было Ленинградское военно-морское училище, которое он окончил в 1957 году. Однако военно-морская жизнь Юрия закончилась, к счастью, уже через три года – в 1960 году он попал под хрущёвское сокращение Вооружённых сил и все последующие годы проработал инженером в судостроительной отрасли. Сегодня Юрий Николаевич Попов и Аида Михайловна живут возле метро «Войковская», пестуют правнуков и учат чему-то главному внуков. Впрочем, не учат – показывают своим примером. Загадка природы: они остаются такими же красивыми, как и много лет назад.

А тогда в Москве всё было невесело. После войны Миша выпивал всё чаще и становился агрессивнее. Дело доходило до белой горячки – ночью ходил по подъездам, ловил шпионов...

Сиро стала подрабатывать шитьём. Как-то даже сшила для своих подруг потрясающие платья из американских кальсон и рубашек из тончайшей шерсти, полученных Советским Союзом по лендлизу. Волшебным образом перекрашенное мужское нижнее бельё превращалось в руках Сиро в роскошные вечерние платья с вышивкой золотом. До сих пор её правнуки носят какие-то жилеточки, любовно созданные её золотыми руками. Сёстры своим рукоделием, видно, пошли в отца-мастерового, ведь и Ашхен тоже в ссылке славилась своей искусной вышивкой.

Сиро оставалась неопишуемой красавицей, и Миша безумно её ревновал, закатывал сцены, хотя она была строгих правил и поводов для ревности не давала. Так жить было уже невозможно. Она тоже работала в академии техником-конструктором, и коллеги, знавшие о её беде, уговаривали, чтобы она написала жалобу в партком. Но она не стала писать ни в какие парткомы, а пошла сразу к начальнику академии и сказала: «Я ничего у вас не прошу, вы всё знаете сами, – сделайте так, чтобы мы с дочерью могли жить спокойно».

И он без развода разделил их квартиру в профессорском академическом доме на две комнаты в этом же доме, но в разных подъездах. Это вообще невероятно было в те строгие времена: был 1953 год, ещё Сталин был жив. А потом Сиро с Мишей окончательно развелись.

12

Сильва, человек безграничного мужества, всю жизнь лечила свою Люлюшку. Чего она только не перепробовала: и официальную медицину, и народные средства, и на море в Ялту возила девочку каждый год. Ей говорили, что дочь её вообще неизлечима, да так, наверное, оно и было, но это – если не знать Сильву. Сильва не умела проигрывать, победила она и на этот раз. Луиза практически полностью выздоровела, только небольшой горб остался у неё напоминанием о страшной болезни.

Но жизнь всё равно оставалась беспокойной – постоянно ждали какой-нибудь неприятности. Мало того, что у мужа, Николая Ивановича, происхождение подкачалось, так теперь ещё

у них живёт вражеский сынок Булат. А началась война, так и второго сынка бабушка из Москвы привезла...

Маленький Юра, сын Николая Ивановича, после развода родителей жил с мамой, а выходные проводил у отца с Сильвой. Обычно в субботу за ним приходил отец, потом, переехав летом 1940 года из Москвы к тётке Сильве, стал приходиться Булат. И вот через какое-то время вдруг выяснилось, что Юра уже три года не ходит в школу. Каждое утро он аккуратно выходил из дома с портфелем и завтраком, причём школа была в десяти метрах от дома, но до школы он не доходил. Мама работала, у неё не оставалось времени проконтролировать сына. Что делать? Опять ситуацию спасла Сильва – она сумела устроить Юру в суворовское училище.



Луиза Налбандян. Надпись на обороте: «Непременно будущий медик. 1937 г., Кировокан»

Луиза после окончания школы поступила в консерваторию. Она думала стать врачом, как папа, но мама настояла на консерватории, – ведь Луиза и музыкальную школу окончила. Может быть, привыкнув к многолетнему страху за дочь, Сильва боялась отпускать её далеко от дома? А консерватория – она вот, прямо под окнами, только выйти и перейти улицу. Пианино в доме было уже давно – Сильва его однажды выиграла в лотерею. Музыкальные данные у Люлюшки были замечательные, она прекрасно играла на фортепиано и пела. Поэтому в консерватории она училась с удовольствием и успешно окончила её.

В первый день войны практичная мудрая Сильва послала мужа с племянником в магазин.

По радио гремели военные марши. Я выглянул в окно – всё было прежним.

– Вот что, – сказала тётя Сильвия дяде Николаю и мне, – бегите в магазин и купите побольше масла... Я знаю, что такое война!..

Мы отправились в магазин. Народу было много, но продукты, как обычно, лежали на своих местах. Мы купили целый килограмм масла.

– Может быть, ещё? – спросил я.

– Ты сошёл с ума! На нас уже смотрят. Стыдно.

*Мы принесли то масло домой. Кто знал, что война так затянется?*²⁹

Конечно, Сильва племянника своего не собиралась отпускать на фронт. И уж кто-кто, а она смогла бы освободить его от военной службы. Но надобности такой не было: в то время призывной возраст для не окончивших школу был девятнадцать лет, а Булату только-только стукнуло семнадцать.

И здесь, конечно, нельзя не посочувствовать биографам Булата Окуджавы, «открывшим», что не был Окуджава никаким добровольцем. Да, почитав их изыскания, скорее уж его хочется

²⁹ Окуджава Б. «Утро красит нежным светом...» // Окуджава Б. Заезжий музыкант: Проза. М.: Олимп, 1993. С. 137—138.

назвать дезертиром. Правда, биографы вслух сказать это стесняются, предоставляют догадаться самому читателю.

Дмитрий Быков пишет:

В августе его наконец призвали, и здесь мы тоже сталкиваемся с противоречием: по идее, его должны были отправить на фронт уже в мае, по достижении полных восемнадцати.

А вот что об этом говорит не беллетрист, а учёная дама:

События, связанные с участием Окуджавы в войне, едва ли не самое смутное место его биографии³⁰.

Вот так. И это – в диссертации! Не «малоизученное» или «мне неизвестное», а *смутное*. Далее:

...Мы постараемся реконструировать историю событий, связанных с войной, однако (почему *однако?* – М. Г.), хотя из рассказов Окуджавы и об Окуджаве складывается цельная картина, эту картину разрушают документы...

Да, однако... Что ж, обратимся к документам. Вот что сказано в статье 14 действовавшего во время войны закона о всеобщей воинской обязанности:

На действительную военную службу призываются граждане, которым в год призыва (с 1 января по 31 декабря) исполняется девятнадцать лет, а окончившим среднюю школу и ей соответствующие учебные заведения – восемнадцать лет.

Повторим: Булату к тому времени только что исполнилось семнадцать. Но он так рвался на фронт, что уговорил военкома и хитростью раздобыл себе повестку. И, с трудом скрывая радость, сказал Сильвии – ну что ж, дескать, делать нечего, забирают на фронт. Тётя Сильва, которая была ему теперь вместо отца и матери, радости его не разделила. Она страшно расстроилась. Кричала, что они не имеют права, что она пойдёт в военкомат и разберётся с ними. Но на этот раз она оказалась бессильной: Булат сказал, что если тётя вздумает пойти в военкомат, он убежит из дома.

Так Булат стал солдатом.

13

В консерватории Люлюшка познакомилась с однокурсником Михаилом Канчели и потом вышла за него замуж. Через годы Михаил Канчели стал крупным музыковедом.

После войны найти хорошую работу стало трудно, а Николаю Попову было всего сорок, и вопрос карьеры стоял для него весьма остро. Поэтому Николай Иванович решил попробовать найти соответствующую ему работу в Ереване и, как только получил место в ереванском военторге, сразу поехал осваиваться на новом месте и в новой должности, пока без жены. Вместе с ним уехал и Витя, младший сын Ашхен, – он какое-то время поживёт у Гоар.

Сильва ехать пока не решалась. Не могла она оставить свою дочь Люлюшку, хоть та и была уже замужем. Тем более, что у неё как раз в 1945-м родился сын – Зураб. Вот если бы забрать с собой и дочку с внуком... Но о том, чтобы в Армению согласился ехать муж Луизы грузин Канчели, не могло быть и речи. Оставалось ждать.

³⁰ Здесь и далее цит.: Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004.

И Сильва дождалась (или добилась?): в 1947 году Люлюшка развелась с мужем и уехала с матерью в Ереван.



Сильва с внуком Зурабом

Квартиру свою прекрасную на улице Грибоедова, ту самую, что когда-то принадлежала родителям Булата, Сильва продала или обменяла – сложная какая-то операция была. Булату, поступившему после фронта в Тбилисский университет, сняли комнату в двухкомнатной квартире в полуподвале здания консерватории, прямо напротив их теперь уже бывшего дома.

В 2002 году мне довелось побывать в Тбилиси и повезло познакомиться с Кети Хурашвили, невесткой семьи Майсурадзе, которым Сильвия продала квартиру. Теперь квартирой владела Кети. Она рассказала, что, когда там делали капитальный ремонт, из стены выпал какой-то аппарат – как она предполагает, подслушивающий.

Нахваливаю квартиру, а Кети мне:

– Да, всем хороша квартира, но очень шумная. Особенно когда в консерватории экзамены.

Разговорились о том, что в таких условиях Булату сам бог велел стать певцом. Кети сказала, что её дочка, которая росла в этой квартире, даже плакала не обычно, а как-то музыкально, – не иначе как консерватория повлияла...

Булат Шалвович и сам вспоминал:

Сестра моя двоюродная поступила в консерваторию, и мы бывали там на студенческих вечерах, на конкурсных экзаменах, на концертах. Это был дом родной. И потом – тёплая погода, окна всегда открыты, узкий переулок... В консерватории допоздна занимались вокалом, скрипкой, фортепиано... А тут ещё молодой Рихтер приехал – рыжий такой, тощий. В консерватории ему дали класс, где <он> репетировал перед концертом. В общем, такая жизнь была. Это меня тоже приобщало к музыке. Я тоже пытался одним пальцем какие-то там свои стихи наигрывать и напевать... Была потребность³¹.

Ещё Кети рассказала об одном эпизоде, хорошо запомнившемся семье Майсурадзе. Это характерный штришок к портрету тёти Сильвы, поэтому приведу его здесь.

Покупателям очень понравились шторы в квартире Сильвы, и они упростили её оставить их. Сильва согласилась, но поставила условием принести деньги за шторы к определённому часу. Они немного опоздали, и Сильва заявила, что сделка не состоится, так как они нарушили договорённость. И, как они её ни уговаривали, она осталась непреклонной. Вот такой была Сильвия Степановна Налбандян...

Любопытные объяснения переезда Сильвы в Армению довелось мне увидеть в уже упоминавшейся диссертации:

³¹ Окуджава Б. Давайте понимать друг друга с полуслова / [Беседовала] Е. Щербиновская // Совет. культура. 1985. 27 апр.

...Отъезд Сильвии Степановны из Тбилиси мог быть вызван разными причинами: переездом в Армению её дочери, женитьбой племянника, необходимостью достать денег для вернувшейся сестры, желанием замести следы...

Ну, дочь-то как раз переезжала в Армению потому, что переезжала мать, а чем же так могла напугать близких женитьба племянника, что нужно было бежать аж в другую республику? Денег для вернувшейся сестры это тоже никак не могло дать. Единственное объяснение, не лишённое здравого смысла, – это *желание замести следы*, но как-то уж очень по-уголовному оно сформулировано.

Виктор всё это время оставался в Ереване в семье Гоар, Баграта и своих кузин – Ануш и Вилены. А сын Гоар, Парсадан, после фронта и окончания политехнического института был направлен в Серпухов, потом переехал в Москву. Со временем защитил докторскую диссертацию, стал профессором и вырос в крупного учёного. Стал автором многих изобретений и научных монографий. О его работе мало известно, так как он всю жизнь работал в засекреченных институтах над темами, связанными с оборонной, преимущественно судостроительной промышленностью. У него было множество правительственных наград.

Ануш окончила ереванский мединститут и стала очень известным в Армении врачом-невропатологом. Дружила с Сильвой и Николаем и особенно с Люлю. После смерти Люлю она постоянно лечила Сильву, которая не раз называла её своим спасителем. И за мамой своей она очень ухаживала. Возможно, благодаря постоянной медицинской опеке дочери, Гоар прожила до 94 лет. Сама Ануш никогда не была замужем. Умерла в Ереване в 2006-м.

Вилена тоже училась в Ереване, выучилась на филолога. Большую часть жизни проработала научным сотрудником в Армянской государственной картинной галерее. В 1990-х годах, после выхода на пенсию, переехала с мужем в Москву к дочери. Две внучки Баграта и Гоар тоже стали врачами.

К приезду жены в Ереван в начале 1947 года Николай Иванович был уже коммерческим директором центрального ереванского универмага. Ему дали служебную квартиру в надстройке на крыше магазина. Это был даже отдельный домик с выходом на огромную крышу склада. Правда, недолго продолжалось их благополучие: в 1949-м при очередной чистке вскрылось буржуазное происхождение Николая Ивановича, и его, конечно, с работы сняли, служебную квартиру отобрали.

Луиза до 1952 года училась вокалу в консерватории. После окончания была направлена завучем в музыкальное училище в город Ленинакан. Отработав положенные три года, в 1955 году вернулась в Ереван, выступала с сольными концертами и преподавала вокал. В 1956 году вновь вышла замуж. Мужем её стал давний, ещё со школы, товарищ, Иван Кананов. Иван, несколько лет назад тоже перебравшийся из Тбилиси в Ереван, по специальности был врачом.

21 января 1957 года Люлюшка родила дочь. Но 5 февраля случилась беда – Луиза скончалась от тромба, застрявшего в сосудах головного мозга.

После трагической смерти дочери Сильвия Степановна долго и тяжело болела. У неё была очень опасная форма хронической пневмонии. Врачи не надеялись поставить её на ноги. Но Сильве ещё нужно было вырастить Зураба, которому в момент смерти матери было всего одиннадцать лет, и она выкарабкалась. Новорождённая, которую называли Лилей, осталась с отцом, но Сильвия всю жизнь внимательно следила за тем, как росла Лиля, за её успехами.

В 1960 году Кананов вновь женился и попросил Сильву Степановну не говорить Лиле о её настоящей матери, пока та не повзрослеет. Эту договорённость Сильва свято соблюдала. О своей настоящей матери Лиля узнала только уже будучи студенткой от своего сокурсника Григора Казаряна, за которого вскоре вышла замуж. Тогда уже Сильва посоветовала Зурабу

установить связь с сестрой. В дальнейшем Лиля поддерживала с Сильвией Степановной тёплые отношения и несколько раз навещала её в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.